

— Остановите их! Держите! — кричала музейная бабушка. — Фёкла Аполлоновна, держите их! Перехватывайте!

Впереди, растопырив руки, пытаюсь остановить ребят, в дверном проёме встала ещё она музейная бабушка из другого зала. Но мальчишек было трое — они вывернулись в разные стороны у неё под руками. Музейная бабушка захлопала ладошками, точно ловила моль, вылетевшую из платяного шкафа, и промахнулась.

— Держите! Ловите! — неслоь за спинами мальчишек.

Экскурсанты раздавались в стороны перед ними, точно уступали дорогу несущемуся без тормозов автомобилю...

Друзья добежали до какой-то широкой лестницы и бросились по ней вниз.

— Всё! Оторвались! — едва переводя дух, выпалил Толчок. — Спокуха! Теперь мы гуляем, гуляем себе... Спросят, зачем мы тут, скажем — «потерялись».

— А мы, наверное, и так потерялись... — предположил Кеша.

— Да ладно! — успокоил Димка. — Я тут тыщу миллионов раз был! Тут сейчас всякие статуи богов будут древнегреческие, мраморные, потом вазы с чёрными картинками, а там чуть-чуть, вот не помню, вверх или вниз, и пожалуйста — жаре-

ный мужик и всякие гробища каменные разрисованные...

— А Рыцарский зал? — пролепетал, отдышавшись, Пышка.

— Ну иди! — сказал Димка. — Иди давай обратно по лестнице — там тебя музейные бабуси дожидаются! Поймают и заставят родителей штраф платить. А мы сейчас жареного мужика — мумия — посмотрим и спокойненько к нашим выйдем. Кафе же на первом этаже, там нас бабушки дожидаются — мимо не пройдем.

К удивлению мальчишек, здесь, на первом этаже, не было ни экскурсий, ни музейных бабусек.

— А чего тут нет-то никого? — опасливо спросил Пышка.

— А чего сюда ходить? Думаешь, всем, что ли, интересно мумия рассматривать?! Я же сказал, он страшный такой, противный.

— Ну и нам ни к чему... — пробормотал Пышка.

— Не хочешь смотреть — не смотри! Закрой глаза и шлёпай мимо... Всё равно же вроде в эту сторону на выход!

Пышка вздохнул, но на всякий случай поплёлся позади Димки и Кеши.

В длинном безлюдном коридоре с каменными полами на одной из стен от самого потолка до

пола висело огромное полотнище из серой ткани, и на нём был приклеен листок бумаги с надписью: «Экспозиция оформляется».

«Что такое экспозиция?» — подумал Кеша.

Димка Толчок, убедившись, что в коридоре никого нет, залез за это полотно, через секунду высунул оттуда голову и зашептал:

— Во! Давайте сюда! Жареный мужик здесь! Нашли! Давай быстрее, пока взрослых нет!

Кеша и Пышка юркнули за полотнище и оказались в зале, освещённом несколькими тусклыми лампочками.

— Вот он — мумий! Во, страшный какой!

Кеше сначала показалось, что там под стеклом, подсвеченная боковыми лампами, лежит деревянная коряга. Он подошёл поближе и увидел, что это человек. Голова у него запрокинута, виднелись зубы, и весь он был как высушенный...

— И ничего в нём страшного-то и нет... — сказал почему-то шёпотом Кеша. — Может, он и вообще не настоящий.

— А какой? — спросил Пышка, который стоял рядом с Кешей, крепко зажмурившись.

— Да макет! Может, он из дерева вырезанный...

Пышка открыл глаза и, словно сам себя уговаривая, добавил:

— Или из бивня мамонта... Древнего. А потом покрасили...

— Сам ты из бивня! — закипятился Димка. — Конечно, настоящий. Это покойник был, а потом высушился от времени...

— А что ж это все остальные покойники не высушиваются? — дрожащим голосом спросил Пышка.

— А может, он вампир был! — предположил Димка. — Вот сейчас как оживёт! Как на Пышку набросится!

— Ничего не набросится, — сказал Кеша. — Не дрожи, Пышка. У этого мумия внутренностей нет! Он не оживёт! По телевизору показывали: их жрецы потрошили и специальными мазями намазывали... Ну, как вьетнамская «Звёздочка» от насморка.

— Не! — возразил Димка. — Это фараонов намазывали, а этот вроде не фараон. Я этого мумия не видел! Тот, наверное, в другом зале лежит, там ещё такие здоровенные гробища разрисованные, каменные. И всякие штучки, и фигурки маленькие, как шахматные, в витринах...

— Во! — опасливо сказал Пышка. — А тут как будто блиндаж, вон бревнища какие здоровенные. Я в деревню летом ездил — там такая баня была.

В углу действительно было какое-то бревенчатое сооружение.

— Сам ты баня! Тут целая комната внутри. Во! Тут можно даже жить.

— А может, этот мумий там и жил. Может, это его жилище!

— Ха! Жилище, а крыши-то нет!

— А вот у гнезда птичьего тоже крыши нет... — заметил Кеша.

— Дураки! — заключил Толчок. — Это могила мумия! Гробница его!

— А зачем вообще сюда этого мумия притащили! И гробницу эту! — заворчал Пышка.

— Чтобы изучать, как в древности люди жили, — сказал Кеша.

— Лежал бы он себе в этой гробнице и лежал — никого не трогал... — поёжился Пышка, стараясь не смотреть на подсвеченную витрину.

— А может, и трогал! — замогильным голосом прогудел Толчок. — Вот он из гробницы как вылезет! Как Пышку хватанёт: «Ты зачем сюда припёрся?!» И всю кровь у тебя выпьет!

— Подумаешь! — дрожащим голосом сказал Пышка. — А я и не испугался! Этот мумий не оживёт и ничего мне сделать не сможет! Просто мне на него смотреть противно... Лучше я ещё чего-нибудь посмотрю. Вот какая кастрюля здоровенная.

— Это не кастрюля, а котёл.

— Чёрный какой!

— Это потому, что его над костром подвешивали.

Мальчишки стали рассматривать громадный котёл, стоящий на невысоком постаменте.

— Чего он сплюснутый какой-то? — спросил Кеша.

— Да он же металлический! Наверное, котёл в могиле этого мумия лежал сотни лет, вот и сплюснулся.

— Тяжеленный, должно быть! — Пышка попытался приподнять котёл.

— Ага! Отдай мой котёл! Я мумий! — закричал Димка, хватая Пышку за бока.

Тот от неожиданности пискнул и подскочил. Чёрный котёл грохнул о каменный пол так, что эхо отдалось про гулким залам.

— Ты что, дурень, — зашипел Толчок, — этому котлу, может, тыща лет! Он, может, миллион долларов стоит... Сейчас сюда охранные бабки набегут — порвут нас на кусочки!

В коридоре за холщовым занавесом послышались шаги и голоса.

— Ты что натворил?! Ну, теперь нам будет... Вон уже идут! Давай прячься!

— Куда? — заметался Пышка.

— Лезьте по-быстрому в эту мумиёвую могилу! Там искать не будут!

В гробнице было совсем темно, пахло старым деревом и ещё, как будто здесь когда-то костёр жгли, — дымом, что ли?

— Во! Кабутто баней пахнет в деревне! — дрожащим голосом сказал Пышка. — Ой, сейчас чихну!

— Ты что! Только попробуй — нас сразу поймают и охранникам сдадут! Попадёт — не обрадуешься! Кто захочет чихнуть — сразу нос трите! — предупредил Димка.

Занавес отодвинулся, и в зал вошли двое мужчин: один в тёмном халате, а второй, как врач, — в белом. Мальчишки смотрели на них через щель между брёвнами гробницы.

— Опять котёл не на месте... Давайте его пока к стене поставим.

— Нужно какую-то подставку для него придумать. Совершенно не держится.

— А может быть, его на бок положить?

— Да нет, лучше поставить... Давайте вот сюда его... До понедельника пусть постоит, а там обмозгуем, как его закрепить.

— А подсветка-то зачем у скифа горит? Сколько раз монтировщикам говорил: ухóдите — гасите свет.

— Да, не дело... Выключайте, я завесу подержу, тут в темноте можно шею свернуть. — Тот, что в белом халате, отодвинул занавеску: — Выключайте.

Щёлкнул выключатель, запахнулась занавеска, и стало совершенно темно. В коридоре затихли, удаляясь, шаги и голоса, где-то грохнула дверь...

— Ой-вой-вой... — заскулил в темноте Пышка. — Сейчас нас запрут, и будем тут до понедельника сидеть!

— Надо бабушкам звонить! — сказал Кеша. — Пусть нас лучше ругают, чем тут сидеть!

— Сейчас, сейчас... — завозился Димка. Он пыхтел, толкался у Кеши под боком. И наконец дрожащим голосом сказал: — Телефон потерялся! У меня тут в кармане дырка! Вот он и вывалился!

— Всё! Ой-вой-вой... —
Пышка уже ревел. — Те-
перь будем сидеть здесь до
понедельника, пока с голо-
ду не умрём! Придут, а мы
уже как этот мумий — за-
сохлые!

Кеша представил, как
Сандра будет волноваться,
и у него даже в животе
защемило — будто он на
больших качелях вниз полетел!

— Ой, что это?! — взвизгнул Димка.

Где-то в углу за витринами вспыхнул красный свет. И от этого стало ещё страшнее. На стенах ожили необыкновенные страшные рисунки, которых прежде мальчишки не замечали. Наполнились кровавым светом витрины.

— Это лампочка над запасным выходом, — лязгая зубами от страха, пробормотал Кеша.

— Да не это, а вот это!

В той стороне, где была витрина с мумией, сверкали зелёные глаза.

— Мумий оживёл! Призрак! — Пышка уцепился за Кешу и толкал его коленками, точно пытался убежать.

И тут откуда-то снизу раздался замогильный голос:

— Какая отвратительная рожа! Я ужас, летящий на крыльях ночи!

Пышка завыл и забился.

— Это телефон! Телефон! — догадался Кеша.

— Точно! — радостно завопил Димка. — Вот он, мой телефончик, — в дырку провалился, внизу пиджака за подкладкой оказался... Бабушка! — закричал он. — Бабушка! Не волнуйся — всё хорошо! Да мы ничего! Мы не пропали! У нас всё в порядке. Мы в гробнице! Ничего! Сидим! На первом этаже, где жареный мужик, ну то есть мумий, и котёл железный...

* * *

Мальчишек отыскивали примерно через полчаса. Взрослые вбежали в гулкий коридор толпой: охранники, несколько музейных бабушек, дяденьки в белых халатах, дяденьки в тёмных рабочих халатах, а один даже с небольшой алюминиевой стремянкой на плече.

— Вот они! Вот! — Сразу несколько человек, стучаясь головами, просунулись в гробницу. — Вылезайте, вылезайте! Осторожно! Аккуратненько...

— А куда призрак делся? — испуганно спросил Пышка, опасаясь покидать убежище.

— Какой призрак?!

— Я сам видел — с зелёными глазами! Это мумий оживел! Он глазами сверкал!

— Да это кошки! Эрмитажные кошки, они тут на работе — экспонаты от мышей охраняют, — засмеялись взрослые. — Ну вы даёте, пацаны. Невозможно на обед отлучиться!

Кеша вылез последним — прямо в руки Сандры.

— Господи, — шептала она, — как же вы нас напугали! Господи...

Руки у Сандры были ледяными и дрожали.

— Как вы сюда попали?! Откуда взялись? — спрашивал дяденька в строгом костюме и золотых очках.

— Мумия хотели посмотреть — шмыгая носом, сказал Димка Толчок.

— Ну, посмотрели?

— Угу. Откуда он, такой страшный?

— Это вождь алтайских скифов из Пазырыкского кургана, — сказал дяденька и начал сыпать непонятными словами, как та тётенька экскурсовод: «скифы», «курганы», «захоронения», «артефакты», «сохранность»...

Незнакомые слова опять застучали по Кешиной голове. Но он их даже не слышал. Он шёл, прижавшись щекой к руке Сандры, и ему ничего не хотелось: ни говорить, ни слушать, — а только поскорее бы добраться домой...

А внизу в гардеробе, где дожидались одноклассники, заплаканная Светлана Михайловна мальчишек даже не ругала, а подвела к зеркалу:

— Полюбуйтесь на себя. Просто ансамбль «Весёлые трубочисты»! Это ж надо так извозиться!

С тех пор к Димке Толкунову, Кеше и Пышке приклеилась прозвище — одно на всех троих — трубочисты.

Эта история закончилась не просто благополучно — взрослые мальчишек почти не ругали, — а даже очень хорошо закончилась: Кеше наконец-то купили телефон.

ТОЛЧОК И ЁНЖИК

— И кто только эти прозвища выдумывает? — ворчал Димка Толкунов, по прозвищу Толчок. — Во втором классе ни у кого никаких прозвищ не было...

— Были! — прервал его Максим Пышняк. — Меня Пышкой обзывали, а Кешку — Моцартом.

— Ну так Кёшка же на пианине играет, — сказал Толчок. — Только ещё в музыкальную школу поступил, три ноты выучил, а сразу на сцену полез — выступать!

— Он не сам полез, ему Светлана Михайловна велела. Он сам бы ни за что не полез. Он выступать не любит... — заступился за друга Пышка.

— Не любит — вот и не выступал бы! А то выперся! Бант на грудь нацепил, как девчонка, причесался — и такой одним пальцем: «Жили у бабуся два весёлых гуся...» — не унимался Толчок.

— Он бант не сам нацепил! Ему его бабушка нацепила! И чегой-то он совсем другое играл, не про гусей, и не одним пальцем, а всеми двумя руками! — возражал Пышка. — И все хлопали!

— А он и рад — стоит кланяется, будто Моцарт! Вот и стал Моцарт. Мне вот, например, не хлопают!

— Так ты же и не выступаешь...

— Ну и что! — кипятился Толчок. — Это я пока не выступаю! А когда вырасту и научусь чему-нибудь как следует, тогда и буду выступать! А тут от горшка два вершка, а на сцену лезет! Если каждая малявка будет на сцену лезть...

— Старинный Моцарт, который композитор, тоже был малявка, а выступал... На пении рассказывали. Моцарт — прозвище не обидное, — вздохнул Пышка. — А вот меня за что Пышкой зовут? Какая я пышка? И не толстый я совсем, а упитанный. Ну так и что?! Я же на худых не обзываюсь! Тоже бы мог обзываться — скелеты, например...

— В третьем «а» есть Шкиля — длинный такой... и во втором «в» тоже есть один Скелетон...

— Ну и что?! — пыхтел Максим. — Это же не я им прозвища придумал! А меня все Пышкой дразнят.

— Тебе такое прозвище досталось, потому что у тебя фамилия Пышняк, сокращённо — Пышка.

— Ну так и ты Толчок потому, что Толкунов, а Толчок — короче...

— Толкунов! Пышняк! Прекратите болтовню! — грозно сказала Светлана Михайловна. — Ну-ка повторите, что я сейчас говорила?! Встаньте для начала.

Мальчишки поднялись и стояли молча, потому что, конечно, слов учительницы не слышали.

— Вы хоть помните, какой у нас сейчас урок идёт?

— Второй! — выпалил Толчок.

И весь класс захохотал.

— Математика, — буркнул Пышка.

— Так! — сказала учительница. — Пышняк, пересаживайся на третью парту к Анжеле Лаптевой! Быстро!

Пышка, вздохнув, взял ранец и нехотя поплёлся к Лаптевой, которая уже корчила ему навстречу рожи и высовывала язык.

— А с тобой, Толкунов, я даже не знаю, что делать! Ты уж по всему классу странствовал, со всеми посидеть успел — и со всеми болтаешь. Всё! Сиди один! А будешь вертеться — поставлю вопрос о твоём переводе в другой класс, а может, и в другую школу! Моё терпение кончается! Ты своей болтовнёй всему классу мешаешь!

В это время дверь класса открылась и вошёл завуч Армен Саркисович, за руку он держал ма-

ленькую девчонку с двумя бантами, каждый был больше её головы, и с огромным ранцем за спиной.

— Можно, Светлана Михайловна? Вот привёл к вам новую ученицу. Это Маша. Так сказать, ваш новый товарищ. Прошу, так сказать, любить и жаловать!

— Да мне её и посадить-то некуда... — заволновалась Светлана Михайловна.

— Ну как же некуда?! — засмеялся завуч. — Вот же у вас боец стоит! Толкунов, если не ошибаюсь... — Толчок не удивился, что завуч знает его фамилию: к завучу его уже водили, после того как он в туалете фейерверк зажигал. — Я думаю, ему как раз очень полезно будет в смысле дисциплины посидеть с Машей. Она у нас отличница и примерного поведения... Маша ему озорничать не даст!

— Что? — вскинулся Толчок. — Я с девчонкой сидеть не буду!

— Что такое слышу? — выкатил глаза на Толкунова завуч. — Какой-такой «не буду»? А? «Не буду» в нашей школе не учится! А учиться буду? Вообще! Или сюда развлекаться пришёл? А уважать товарищей и учителей буду? «Не буду» — этого ученика в нашей школе нет! Садись, Маша. Я очень глубоко извиняюсь, Светлана Михайловна, продолжайте, пожалуйста... «Не буду» он говорит! Ай, какой! Вообще! — сказал он, скрываясь за дверью.

— Так! Успокоились! Продолжаем... Сядь, Толкунов, и обдумай, что я тебе сказала.

Толчок, возмущённо сопя, бухнулся на своё место. А новенькая как ни в чём не бывало достала из своего огромного розового ранца тетрадку, учебник математики, авторучку, всё аккуратно

распределила на парте и, сложив руки перед собой, всем своим видом стала показывать, как она внимательно слушает Светлану Михайловну. А когда начался устный счёт, она первой подняла руку — как положено, локтем на парту. Учительница её спросила — она встала и ответила правильно.

— Молодец! — похвалила её Светлана Михайловна.

Девочка с торжествующим видом, совершенно не обращая внимания на Димку, опустилась на своё место и всё так же внимательно стала слушать учительницу.

Если бы Светлана Михайловна опять сказала Димке: «Повтори, что я сейчас говорила», — он бы не ответил, потому что думал, как бы досадить этой противной девчонке. Сидит вся такая чистенькая, отглаженная, как будто её только что выстирали или из химчистки принесли. И как это девчонки умеют так жить, чтобы не пачкаться? Толчок, например, ещё только проснётся, ещё вообще ничего не сделает, ну разве что на кухню заглянет поинтересоваться, что там мама ему на завтрак оставила, а уже сразу и в варенье, и в масле, и вся майка в пятнах!

Это не вчерашние пятна! Толчок перед сном в ванне сидел — отмывался! Мама ему чистые трусы и майку выдала. И вот, пожалуйста, опять грязный! А уж когда из дома выходил — тут вся грязь

словно сама к нему прилипала. Пустую алюминиевую банку — по пути попалась — просто так ногой поддел — с ног до головы в грязи! Какую-то непонятную железную штуку подобрал, в карман положил, чтобы дома как следует рассмотреть, для чего она может пригодиться, — вся куртка грязная. Ну понятно спереди: руку машинально вытер, а сзади-то почему вдруг вся куртка в мелу?!

А эта Маша мало того что вся такая чистюля, ещё и отличница! Толчок искоса заглянул в Машину тетрадку: все столбики примеров без помарок, задачки тоже — наверное, на черновике сначала решала, а потом в тетрадку переписывала. Противно смотреть! Димка так никогда не делал — была нужда два раза одну и ту же работу переписывать! Быстро задание решил, тетрадку в ранец закинул и делай что хочешь — хоть телевизор смотри, хоть кубик Рубика собирай. Телефон-то мама от Димки прятала, но он всегда находил. Тогда она стала айфон на работу забирать. Потому что в школе вернутся Димкины тетрадки с проверки, открываешь, а там вся страница от замечаний красная, и бабах — хорошо, если трояк, а то и двоечка! А у этой Маши — одни пятёрки! Правильная вся такая! Сидит руку тянет, отличница!

«Вот была бы у меня сейчас коробочка муравьёв или тараканов или на худой конец паучище здоровенный, и ей бы подпустить. Вот бы она заве-